

О. М. Гончарова, Н. Н. Королева

МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМИОТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ¹

Социальное поведение представляет собой систему действий человека по отношению к предметному миру, обществу и другим людям, обусловленных знаково-смысловыми образованиями [23]. Поведение человека в обществе определяется социальными представлениями, которые складываются, передаются и закрепляются в коммуникативных актах через знаковые системы, прежде всего, естественного языка. С помощью социальных представлений конструируется интерсубъективный мир, «разделяемая реальность» социальной группы либо общества в целом [17].

В процессе социализации осуществляется освоение «языка» социальных ролей, зафиксированных в знаково-символической форме. Ролевое поведение представляет своего рода текст, состоящий из определенного рода сочетаний и последовательностей вербальных и невербальных знаков, которым приписываются значения и смыслы, разделяемые членами определенных социальных групп и общностей [16]. Подобно языку, оно обладает собственным синтаксисом, строится по определенным «правилам», отраженным в убеждениях, социальных представлениях и аттитюдах.

События, эпизоды, паттерны социального поведения и взаимодействия людей, как совокупности высказываний, образующих структуру диалога, образуют «синтаксис повседневности», опосредованный взаимосвязанными знаковыми структурами на различных уровнях и областях социальной реальности [1]. Значения слов и других знаков, объединенные в последовательности и соотнесенные с действиями, участниками коммуникации, объектами, отношениями, образуют психосинтактику социального поведения.

Поведенческие «сценарии» строятся по системе закономерностей, структурирующих интериоризированный социокультурный опыт, определяющих ролевые ожидания и соглашения, правила общения, упорядочивающих паттерны восприятия, отражения и интерпретации коммуникативных ситуаций, реализующих возможность порождения конструирования социальной реальности в процессе межличностного и группового взаимодействия. Овладевая «социальной семантикой» и «социальным синтаксисом» — системой социокультурных значений и смыслов, совокупностью

---

¹ Статья подготовлена в ходе реализации исследования при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-06-00511-а).

норм и правил, по которым строятся поведенческие и коммуникативные паттерны, личность приобретает способность к регуляции и саморегуляции социального поведения.

Анализ знаково-символических структур, опосредующих становление регуляции социального поведения на различных этапах онтогенеза в современном информационно насыщенном многополярном обществе, выступает одной из актуальных междисциплинарных проблем гуманитарного знания.

Становление личности в постиндустриальную эпоху характеризуется принципиально новыми закономерностями. Информатизация и виртуализация общества приводят к существенным преобразованиям жизненной среды и качественным изменениям в сознании и поведении людей. Современный человек взаимодействует с предметной и социальной средой через призму знаковой реальности. Индивидуальное и общественное сознание современного человека в значительной мере опосредуется языковыми и символическими структурами, виртуальными компьютеризированными мирами. Жизненный мир виртуализируется, закономерности и язык виртуальной реальности проникают в различные сферы жизнедеятельности личности. Мир, собственное сознание и сознание другого раскрывается человеку посредством семиотических структур, образуя единое знаковое пространство человеческого бытия и сознания — семиосферу, включающую в себя субъективный опыт в синтезе с интериоризированным и трансформированным в сознании социокультурным опытом.

Глобальная и внутренне разнородная социокультурная среда современности оказывает значимое влияние на все сферы социализации и психического развития ребенка. В то же время семиотические механизмы формирования социального поведения детей в условиях общественно-экономических, культурных и политических трансформаций в начале XXI столетия остаются неизученными. В связи с этим особую теоретическую и практическую ценность приобретает разработка междисциплинарных методологических оснований анализа семиотической организации и знаково-смысловой регуляции социального поведения современного человека в различные периоды возрастного развития.

Создание теоретической базы для эмпирического исследования такого сложного социокультурного феномена, как семиотика социального поведения, требует обращения к проблемам методологии дисциплин, традиционно связанных с изучением проблем социальности и личности. Прежде всего потому, что сегодня становится все более очевидной «уязвимость» [12] традиционных общественных наук перед новой реальностью, определенной и общим кризисом методологии гуманитарного знания, и глубокими изменениями «нашей современности». Скорость перемен обнажила проблемное поле гуманитарных наук, их своеобразное, хотя и вполне закономерное, «отставание» от новой цивилизационной инфраструктуры, для которой характерны такие изменчивые и диффузные формы, которые не поддаются распознаванию в привычных к упорядоченно-одномерным моделям реальности общественно-гуманитарных исследованиях. «В условиях постмодерна, — отмечает С. А. Кравченко, — социологической теории необходимо анализировать социум разной динамической сложности, находящийся в разных темпомирах, подверженный парадоксальным разрывам и синтезам, имеющий тенденцию к дисперсии, да еще рефлексировать по поводу самых разных амбивалентностей: глобализации и локализации, инноваций и процессов структурно-функционального «старения» социума, появления десоциализированного социума и новых

социальных идентификаций; возникновения новых типов рациональностей и иррациональностей» [11].

Однако социология и психология, как, впрочем, и другие гуманитарные науки, по-прежнему настроены на традиционную специфичность своего объекта научного познания. С одной стороны, «социальные науки изучают человеческую индивидуальность, игнорируя вненаучные способы изучения, которые свойственны литературе и философии» [26]. С другой — ориентированы, так или иначе, на изначальные и практически неизменные методы и категориальный аппарат, в которых все более очевидными становятся «отголоски» той «родовой травмы», которая досталась в наследство социологии и психологии, появившимися на свет в эпоху господства позитивизма и натурализма одновременно с учением Ч. Дарвина.

Внимательный взгляд обнаружит, что «стержневые» понятия социологии были сформулированы еще отцом позитивизма — О. Контом, и развиты марксизмом и социал-дарвинизмом.

Именно с историческими корнями общественных наук и связан сегодня центральный вопрос их методологии — вопрос о базовых категориях и понятиях, являющихся краеугольными камнями созданных и создаваемых концепций социальности, социального поведения, социализации и т. д. Социология в целом, как пишет об этом И. А. Шмерлина, «базируется на сильном онтологическом допущении о существовании социальной реальности *sui generis*. Однако тот исторический контекст, в котором было сделано это допущение, придал этому выражению запретительную модальность. При этом постулат о реальности *sui generis* был воспринят социологической мыслью не только в онтологическом, но и в генетическом ракурсе, что чрезвычайно сузило перспективу социологического исследования и исключило эвристически ценные междисциплинарные сопоставления. В фокусе внимания социологии оказались вопросы внутрисоциального порождения социальности <...>. На полюсе методологического индивидуализма социальное выступает как совокупность интердетерминированных индивидуальных действий, представляя собой, по сути, фантомную констелляцию, существующую лишь в воображении теоретика» [28. С. 25].

Вполне очевидны в базовых постулатах социальных наук и отголоски натурализма: еще в 1923 г. В. В. Зеньковский писал, например, о превалирующем в психологии и социологии «чисто биологическом понимании детства» [4]. Однако биодетерминизм популярен и сегодня [22, 27], о чем свидетельствует возросший буквально в последние годы интерес к биосоциологии, задача которой — «выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений» [14. С. 13].

В данном случае речь идет о «крайних» и проблемных точках дисциплинарного поля, вызывающих, однако, серьезные вопросы теоретико-методологического плана: если методологией мы считаем принципы и стратегии исследования, то, с теоретической точки зрения, важны и принципы осмысления, точнее — о-смысления, объекта гуманитарного мышления. И если такой объект сложен, его «смысл» может быть обнаружен только в сложной системе совокупных и взаимодополнительных подходов и характеристик, то есть в синтезе «естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, результатом которого может стать гуманистическая теория сложности, имеющая социологический стержень» [10]. Идея междисциплинарности в исследовании сложных феноменов культуры стала сегодня ведущей в поисках новых научных решений. Одна-

---

ко реальному воплощению этой идеи в практику социологии и психологии мешает не только консерватизм научной мысли, но прежде всего — несоблюдение важнейшего методологического основания для такого рода научных разысканий. Речь идет об общем «языке». При междисциплинарности мало определиться в широте использования достижений других дисциплин, «надо еще найти средства выражения», решить проблему «языка межпредметной коммуникации» [24. С. 26]. Как писал К. Гирц в «Интерпретации культур», «достижение общего языка в общественных науках не есть дело простой координации терминов или, что еще хуже, искусственного создания новых терминов; это также не дело навязывания единого набора категорий всей сфере исследований. Это — дело такой интеграции теорий и концепций разного рода, которая позволила бы формулировать осмысленные предположения, опирающиеся на данные, которые сегодня ведут изолированное существование в разных областях исследований» [2. С. 56]. Исследование таких сложных культурных феноменов, как «человек» и «социальность», требует сегодня синтеза гуманитарных знаний — «соединения усилий историков, этнологов, демографов, социологов, философов, филологов, искусствоведов, усилий всех специалистов, которые изучают те или иные аспекты человеческого поведения» [3. С. 295]. В первую очередь, междисциплинарный синтез — это общность методологии, системное единство «языка описания» объекта гуманитарного познания.

Как ни парадоксально, но самым неопределенным элементом такого «языка» является центральный термин общественных наук — социальность, а также и производные от него — социализация, социум, общество, социальная или жизненная среда. И социологи, и психологи говорят о сложности и неоднозначности этих понятий, даже интенции к использованию междисциплинарных знаний ведут только к их усложнению, но не к прояснению. Так возникают многочисленные попытки новых определений, основанных, однако, все на том же предметно-вещественном, телесном понимании мира: например, представления о «текущей современности» (З. Бауман), о «культурно-психологической реальности» (М. С. Гусельцева), о структурирующем и объективирующем социальность «хронотопе» (Т. Д. Марцинковская) и т. д. Несомненно, поиски ответа на вопрос о сущности социального движут современных гуманитариев вперед, однако в целом устойчивым и общеизвестным остается понимание социума как объективной реальности. Так, в работе И. И. Санжаревского «История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии» дано такое «материалистическое», по словам автора, определение социума — «это сформировавшаяся в процессе исторического развития человечества, относительно устойчивая система связей и отношений людей, поддерживаемая обычаями, традициями и законами, основывающаяся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления благ и ценностей» [20. С. 234].

Нефункциональность такого определения обнаруживается тогда, когда автор рассуждает о процессе социализации: «По существу речь идет о поэтапном формировании собственного “Я” личности. В основе этого процесса — переход от духовного мира детства, опекаемого, управляемого, регулируемого взрослыми (то есть внешне регулируемого поведения) к идейно-нравственному облику самостоятельного человека, развивающегося на основе личного убеждения, саморегуляции, самоуправления» [Там же]. Впрочем, таким же образом социализация ребенка как «необходимость адаптации детей к миру взрослых» [6. С. 77] трактуется в большинстве исследований вопроса.

Между тем в других гуманитарных дисциплинах уже сформировалось иное, основанное на принципиально новых методологических принципах понимание реальности или исторической реальности в ее отношении к бытию человека и его социальности. В кратком изложении опыт осмысления проблемы может быть представлен следующим образом. Человек, ставший реальностью и открывший ее для себя, — это человек истории, а время «человеческого присутствия в мире (история) — это время, обладающее смыслом». При этом история «как человеческая стадия эволюции» является «эволюцией сознания», «ментальной эволюцией». Все это, подчеркивает В. И. Тюпа, «чрезвычайно существенная характеристика любого социума, поскольку в качестве социокультурного субъекта истории человек принадлежит не столько объективному миру, сколько intersубъективной картине мира, творимой той или иной ментальностью» [25. С. 4]. Основополагающие для современного гуманитария положения о ментальной истории, о культуре как «полагании смысла», «семиосфере», «ненаследственной памяти коллектива», о «социокоде» были сформулированы в работах М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, А. Я. Гуревича, С. И. Великовского, М. К. Петрова, В. С. Библера и других ученых. Признание существования «смысла как такового», его укорененности в бытии уточняет в своих философских работах о социогенезисе И. П. Смирнов: «Накапливаясь в своей устремленности к неизвестному, в своей гипотетичности, смысл развязывает в конечном итоге социокультурную историю. Не закрепощенный зависимостью от перцепции, он самоценен. История выступает под таким углом зрения как умственное (духовное) продолжение природной эволюции» [22. С. 16–17]. Культура как человеческая история, таким образом, занята производством смыслов, в том числе — и осмыслением данного и зримого. А потому предметный, вещественный и событийный ряды — это не то, что есть, или не то, что мы видим, а то, что мы вычленим как релевантное для нашего сознания, то, что мы понимаем, интерпретируем, наделяем смыслом. И социальные нормы, поведенческие стратегии, и возрастные стратификации также являются результатом культурного смысла, в каждую эпоху в своей ментальной картине мира они будут разными.

Однако в социальных дисциплинах категории смысла или логосферы бытия пока не востребованы. Как заметила И. А. Шмерлина, «смысл — центральная и одна из плохо определенных категорий социогуманитарного анализа» [29. С. 139]. Попытка обосновать индивидуально-субъективный принцип постижения смысла в монографии Д. А. Леонтьева «Психология смысла» оказалась непродуктивной, хотя бы потому, что у смысла нет психологии, у смысла есть только смысл. Осторожное и недоверчивое отношение социологов и психологов к этой категории определено дисциплинарной замкнутостью. Даже попытки использования положений М. М. Бахтина о «диалоге» и «диалогичности» в некоторых работах оказываются неудачными, поскольку Бахтин писал не об информации и не об отношении социума к информационным системам, а о сущностной спецификации культуры как таковой. Диалог, в его понимании, это свойство культурного «знака» («чужое слово»), который может быть любым по виду и форме, но является «языковым» (то есть «говорящим») и «диалогическим» (то есть «понятным» членам социума). Именно при таких условиях осуществляется главное свойство социокультуры — ее коммуникативная природа. Коммуникативность не сводится к «работе» информационных потоков, в своей динамической сущности — это «вопросно-ответная» форма осуществления человека в мире. Одновременно культура и дискурсивна — она реализует себя во внешнем мире в семиотических практиках текстопорождения. Таким образом, человек живет в реальном мире смыслов и текстов — это его «семиосфера» (Ю. М. Лотман), пространство знаковых систем [9].

В современной науке сформировался интерес к этой проблематике: например, в работах Т. М. Дридзе, которая назвала свой методологический подход к исследованию коммуникации «семиосоциопсихологией», в статьях И. А. Шмерлиной, которая размышляет о возможности семиотической интерпретации социального. Однако в эмпирических исследованиях по социологии и психологии эти идеи пока не нашли своего применения, поскольку оформились вновь у труднопреодолимой междпредметной границы — затронули вопросы лингвистики и семиотики. Сегодня достижения лингвистики и особенно этнолингвистики, занимающейся ментальными и этнокультурными универсалиями в языке, неоспоримы. Однако к языку в целом социальные науки относятся осторожно, хотя одна из главных их научных категорий — категория сознания, имеющая сугубо языковой характер. Так, например, судит о языке Т. Д. Марцинковская: «Роль языка в процессе становления социокультурной идентичности неоднозначна. По-видимому, можно говорить о взаимосвязи языка, культуры и идентичности (социокультурной, этнической, личностной, групповой и т. д.). С одной стороны, есть много примеров того, как люди, говорящие на другом языке, считали своими культуру, народ, язык которого знали плохо. <...>. Особенно ярким примером взаимосвязи языка и идентичности является личность и поэзия Пушкина. Пушкин, фактически создавший русский литературный язык, писал и говорил по-французски в детстве более бегло, чем по-русски, как и большинство дворян того времени» [15. С. 167–168]. Суждение специалиста-социолога о явлениях, принадлежащих иному гуманитарному «департаменту», не выдерживает никакой критики, но дело здесь в другом — в своеобразии общего представления о языке, а следовательно, и о мышлении и сознании, в социальных науках.

Сегодня лингвистика, используя опыт смежных наук, пришла к пониманию личности человека социального как «языковой личности» (Ю. Н. Караулов) и к представлению о языке как «доме», в котором живет человек (М. Хайдегер). Язык, в концепции А. Вежбицкой, «изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою» [19. С. 3]. Человеческое мышление, действительно, уже изначально является мышлением языковым, его символическая природа реализуется в речи как семиотической системе. И если исходить из того, что культура изоморфна человеку, а человек — культуре, то следует признать, что коммуникация имеет ту же организацию. Культура, таким образом, обладает «языком» или «языками», поскольку в своем многообразии она полиглотична. Семиотические системы культуры и являются ее «языками», структурированными так же, как и язык человека. Обобщая эти основные положения современной гуманитаристики, можно говорить о том, что, во-первых, в силу семиотической природы культуры и «языковой личности» методы семиотики не только применимы к исследованиям в области социологии и психологии, но и могут стать искомым общим языком междпредметной коммуникации, а, во-вторых, необходимость лингвокультурологических разысканий в социальных науках следует подчеркнуть разъяснением природы знака как носителя социально значимого смысла.

Сегодня с методологической точки зрения гуманитариям нужно предельно точно различать категории знак, значение, понятие и смысл. Ведь зачастую ученым, занятым исследованиями объективной социальности, знаки видятся либо «довесками» к предметно-вещественному миру, либо индексами какого-либо значения. Однако знаковые системы имеют совершенно иную природу: во-первых, языковую, как уже говорилось, и, следовательно, они четко структурированы по «осям» семантики, синтактики и прагматики; во-вторых, отдельный «вещественный» знак столь же сложен. В. В. Колесов, по-

---

святивший несколько работ, связанных, так или иначе, с проблематикой смысла-значения, пишет в статье «Конструирование понятий: Значение и Смысл»: «Значение несет знак, в данном случае словесный — слово. Смысл же имеет текст, “сплетенный” из многих значений тех же знаков-слов. Значение во всех случаях надо определять, а определяется понятие. За словом скрывается понятие, за текстом символическое содержание» [7. С. 25]. Таким образом, семиотические системы в культуре являются организаторами текстопорождения в ней, трансляторами культурных смыслов, которые отражаются в мышлении личности как «концептуальное поле сознания» [8. С. 24]. Приобщение к нему — это процесс объемной мыследеятельности (Г. Щедровицкий), основополагающий и главный на пути приобщения человека к социуму.

На этом пути уже с детства человек постигает, во-первых, принципы коммуникации, во-вторых, диалогический характер культуры, в-третьих, ее символическую природу. Поэтому процесс социализации есть постепенное приобщение к этим формам осуществления субъектно-объектного Я. Несомненно, это трудный путь мыследеятельности, но вполне реальный, поскольку сложная природа символа позволяет постигать смыслы, стоящие за символами, «слоями». В этом плане показательны устойчивые рассуждения специалистов о том, что в первобытном обществе все было не так. Примитивность таких обществ, по мнению исследователей, инициировала и их отношение к социализации: считается, что детство, например, было недолгим и состояло в практическом приучении детей к труду. Это — один из базисных постулатов современной психологии, причем — довольно заманчивый, поскольку позволяет связать предмет изучения с таким грандиозным процессом, как эволюция и прогресс. Сегодня совокупный опыт антропологов, этнологов, этнографов привел к иному пониманию природы «примитивных» обществ, которое, к сожалению, остается вне поля зрения социологии и психологии. Первобытное общество — и в этом его историко-культурное предназначение — было самым продуктивным в процессе социализации, организуя детство таким эффективным способом, что примерно в 14 лет, пройдя обряд инициации, мальчик становился полноправным взрослым. Именно в первобытном обществе был выработан самый эффективный механизм хранения, передачи информации — ритуал. И ребенок в нем постигал не только примитивные орудия труда и навыки, а те смыслы и интерпретации, которые помогали ему понимать мир бытия и были зафиксированы в мифе и языке. Не случайно языки «примитивных» народов отличаются необыкновенной сложностью: грамматической, морфологической, лексической. Об этом убедительно писал, например, Э. Касирер в «Философии символических форм», опираясь на исследования К. Леви-Строса. При этом Леви-Строс не раз отмечал в своих работах, что сложность языка примитивных племен, наличие в них именованных предметов и явлений окружающего мира категорически не связаны с практическими целями. Наоборот, все это многообразие призвано было обозначить, семантизировать мир, в котором живет человек. В этом мире все должно быть на своем месте, там нет «пустых» мест. Как антрополога Леви-Строса поражало то, что даже в самых отсталых островных племенах «даже ребенок часто может отождествить вид дерева по мельчайшему фрагменту древесины и, более того, пол этого дерева, в соответствии с идеями, поддерживаемыми туземцами, относительно пола растений» [13. С. 116].

Все эти размышления важны потому, что они помогают нам увидеть, что человеческая культура выработала, по сути, единый тип социализации, пусть и разнящийся по своей форме в соответствии с историческими обстоятельствами — это освоение символических форм культуры, ее смысла, культурной памяти, иными словами — включение

в интерсубъективную реальность данной культурной традиции. И главный путь такого включения — освоение «языков» культуры, языка и речи.

Обратимся в этом случае к размышлениям В. В. Зеньковского. Он писал в своей «Психологии детства»: «Как пример такого “социального унаследования” укажем на язык — здесь особенно ясна необходимость понятия “социального унаследования”. В самом деле, возможно ли было бы наше психическое созревание без развития в нас речи? <...>. Мы застаем, при нашем вступлении в жизнь, готовый и сложившийся язык, которым мы должны овладеть, чтобы стать психически зрелыми, чтобы войти в живое общение с людьми, нас окружающими. Нам дается в языке богатейшее “социальное наследство”, но мы должны им овладеть, и лишь в той мере, в какой это удастся нам, мы можем пользоваться социальным наследством. Вместе с языком мы, незаметно для себя, усваиваем формы мышления, как они запечатлелись в языке, усваиваем целую систему идей, верований — понимание мира и человека» [5. С. 42].

Обобщая, можно сказать, что социализацию можно понимать как овладение «языками» и смыслами культуры, ведущее человека к созданию новых «языковых высказываний», к наращению смысла в своей деятельности. На ранних стадиях онтогенеза, несомненно, этот процесс представлен в компактно-усеченном виде: ребенок, постигая «языки» культуры, одновременно, хотя и по-своему, «говорит» на этих языках, даже тогда, когда не владеет речью. Естественно, что первым шагом на этом пути становится, например, номинация — распознавание знаков мира в их принадлежности и упорядоченности. Семиозис в этом случае идет закономерно и целенаправленно: от номинации объекта к его предикации. Если мы признаем семиотический характер культуры и, следовательно, самого процесса социализации, то, по сути, речь идет о том, что на каждом этапе онтогенеза человек имеет свой «язык» и свою коммуникативную систему, реализующие направленность на освоение культурных смыслов. В первом приближении можно говорить о том, например, что символические формы культуры осваиваются и присваиваются трехступенчато. На первом этапе — постижение знаков именно этого мира или, другими словами — тела культуры, на втором — включение в мир значений (овладение речью), на третьем — приближение к миру смыслов или, по крайней мере, их наличию в окружающем мире, которые становится для ребенка не только бытовым и повседневным, но и бытийственным, историчным. Так и возникает личность человека — в осознании бытийственности Я. Этот процесс трудно назвать «адаптацией к миру взрослых», поскольку он строится прежде всего не как научение, а как понимание, построенное по вектору «вопросно-ответного понимания». Если, подключаясь к общекультурной коммуникации, которая происходит на самых ранних этапах развития, ребенок на свой вопрос к миру (заданный на любом «языке»: жестов, криков, речевых актов) не получает ответ от этого мира (а не от взрослых), возникшая смысловая лакуна нивелируется, исчезает или, что вполне возможно, ребенок в каких-то случаях соприкоснулся с «пустотой» в культуре, то есть увидел, определил и усвоил для себя границы культурных смыслов. Да, ребенок может нарисовать бессмысленное, с точки зрения взрослых. Например, как это было в известном стихотворении К. Чуковского, «бяку-закаляку», но «бякой» она названа потому, что неопределима, хаотична и находится за пределами упорядоченного пространства смыслов. По сути, перед нами — гениальное смысловое действие маленького человека, воссоздавшего структуру мира-космоса, его упорядоченность, но опознавшего и наличие враждебной пустоты-хаоса:

Дали Мурочке тетрадь, / стала Мура рисовать. / «Это — елочка мохнатая. / Это — козочка рогатая. / Это — дядя с бородой. / Это — дом с трубой». / «Ну, а это что такое, /

Непонятное, чудное, / С десятью ногами, / С десятью рогами?» / «Это Бяка-Закаляка / Кусачая, / Я сама из головы ее выдумала». / «Что ж ты бросила тетрадь, / Перестала рисовать?» / «Я ее боюсь!»

Другой вопрос — понимаем ли мы то, что пытается «сказать» ребенок. Если мы требуем от него навыков, которые выражаются в дисциплинированности и послушании, в умении выполнять действия, заранее обозначенные взрослыми, то, естественно, некоторые действия детей кажутся капризом, нарушением и т. п. Именно потому, что мы не умеем «считывать» смысловые действия детей, их мир до сих пор остается «секретным миром» для взрослых. «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» — так назвала свою книгу о детстве М. В. Осорина, интересную попытку понять и объяснить «языки» детства, «детские традиции “обживания” большого мира», деятельное освоение которого требует от ребенка «многолетней и колоссальной по объему самостоятельной работы» [18. С. 5].

Методологические принципы решения конкретной проблемы регуляции социального поведения должны быть связаны прежде всего с признанием семиотической природы культуры и социогенеза. Одной из важных составляющих культуры в этом случае окажется и существование в ней стабилизирующих процесс «социального наследования» смысловых парадигм, зафиксированных в определенных знаковых системах. При всей изменчивости современного мира или конкретной личностной судьбы «стабилизационный фонд» культуры остается реально существующим, поскольку имеет большой запас прочности. Часто звучащая мысль о том, что все изменилось, значит, должны измениться и мы, что традиции ушли далеко в прошлое в инновационном мире, не должна завораживать ученого. Лозунг современности — отказаться от консерватизма, от «законсервированных» форм образования, например, соответствует современности, но глубоко противоречит существу культуры и культурогенеза, а значит — и специфике социализации личности.

Культура созидает будущее только в том случае, если строит его на прошлом, помнит прошлое. Потому проблема социального поведения личности, также устремленной в будущее, должна решаться как проблема удержания в поле зрения человека традиционных семиотических практик смыслопорождения или их актуализации. Таким образом, проблема онтогенеза семиотической регуляции поведения имеет междисциплинарный характер, требует комплексного исследования на базе интеграции опыта различных наук о человеке. Междисциплинарная парадигма гуманитарного исследования, отвечающая внутренней логике развития науки и запросам социальной практики, связана с переходом от механического объединения знаний, полученных в различных дисциплинах, к выходу на более высокий уровень научной рефлексии, выработке метапозиции по отношению к ним. Семиотико-герменевтическая методологическая парадигма позволяет создать новый интегральный теоретический контекст концептуальных объяснений развития личности и ее взаимодействия с социокультурной средой, определить принципы и способы метаанализа феноменов становления социального поведения и его знаково-символической регуляции в качественно новой среде жизнедеятельности современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина и

-
- Л. А. Козловой; Вступ. ст. Г. С. Батыгина. — М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
2. *Гириц К.* Интерпретация культур. — М., 2004. С. 56.
  3. *Гуревич А. Я.* История — нескончаемый спор. — М., 1995. С. 295.
  4. *Зеньковский В. В.* Психология детства. — Екатеринбург, 1995. С. 24.
  5. *Зеньковский В. В.* Психология детства. — Екатеринбург, 1995. С. 42.
  6. *Камалдинова Э. Ш.* Об актуальных проблемах современного детства // Государство и гражданское общество. 2012. № 2. С. 77.
  7. *Колесов В. В.* Конструирование понятий: Значение и Смысл // Слово есть дело: Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора И. П. Лысаковой. Т. 1. — СПб., 2010. С. 25.
  8. *Колесов В. В.* Язык и ментальность. — СПб., 2004. С. 24.
  9. *Королева Н. Н.* Семиосфера личности. — СПб., 2005. — 159 с.
  10. *Кравченко С. А.* Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 17.
  11. *Кравченко С. А.* Социологическое теоретизирование, мышление и воображение в условиях постмодерна [электронный ресурс]. URL: <http://isprgas.ru/pics/File/postmodern/Kravchenko.pdf> (дата обращения 10.10.2013).
  12. *Кравченко С. А.* Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3–12.
  13. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. — М., 1994. С. 116.
  14. *Луков В. А.* Биосоциология молодежи и будущее гражданское общество // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 13.
  15. *Марцинковская Т. Д.* Язык как основание социокультурной идентичности // Мир психологии. 2012. № 1. С. 167–168.
  16. *Мид Дж. Г.* Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев; Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009. — 290 с.
  17. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18.
  18. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. — СПб., 2007. С. 5
  19. *Падечева Е. В.* Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996. С. 3.
  20. *Санжаревский И. И.* История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. — Тамбов, 2012. С. 234.
  21. *Смирнов И. П.* Биодетерминизм // Смирнов И. П. Кризис современности. — М., 2010. С. 261–289.
  22. *Смирнов И. П.* Праксеология. — СПб., 2012. С. 16–17.
  23. Социальная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 351с.
  24. *Тюков А. А.* Психология развития в комплексе современной антропологии // Системная психология и социология. 2011. № 3. С. 26.
  25. *Тюпа В. И.* Историческая реальность и проблемы современной компаративистики: Научно-методическое пособие. — М., 2002. С. 4, 7, 10.
  26. *Федотова Н. Н.* Формируется ли глобальная идентичность: методологические размышления // Знания. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 8.
  27. *Шмерлина И. А.* Дарвинизм в научном и массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 2(86). С. 118–123.
  28. *Шмерлина И. А.* Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 25.
  29. *Шмерлина И. А.* Социальность и проблема смысла: к выработке междисциплинарного понятия // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 139.
  30. *Gergen K. J.* Social psychology as social construction: The emerging vision. In C.
  31. *McCarty & A. Haslam (Eds.),* The message of social psychology: Perspectives on mind in society Oxford: Blackwell. 1997. P. 113–128.